

18+ Андрей Булатов

Невыдуманные истории

Рассказы о людях

Андрей Булатов

**Невыдуманные истории.
Рассказы о людях**

«Издательские решения»

Булатов А.

Невыдуманные истории. Рассказы о людях / А. Булатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839864-3

Никогда не знаешь, чем обернётся для тебя встреча с новым человеком. Кто бы он ни был — король ли, бедняк ли, учёный или глупец, он оказывает на тебя воздействие. Чем больше людей встречаешь, тем богаче становишься. У всех можно чему-то научиться, перенять что-то хорошее или же отвергнуть что-то плохое. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-44-839864-3

© Булатов А.
© Издательские решения

Содержание

Лев Палыч	6
Пифагоровы штаны	8
Жора и сорока	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Невыдуманные истории Рассказы о людях

Андрей Булатов

Дизайнер обложки Юлия Борисовна Булатова

© Андрей Булатов, 2025

© Юлия Борисовна Булатова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4483-9864-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лев Палыч

Жарким весенним днем я возился во дворе своего дома. Был выходной, и на нашей полудеревенской улице бегали дети, ходили мамы с детьми на руках, бабушки перетирали последние новости.

Вдруг наша собака насторожилась и начала ворчать, пристально смотря за забор вдоль улицы. Наша улица очень узка – с трудом разъезжаются две машины, поэтому всё, что на ней происходит отлично видно со двора. Рэй (так зовут нашу собаку) рычал на незнакомца, который подошел к воротам соседского дома напротив.

Выглядел незнакомец очень плохо. Несмотря на жару, он был одет в чёрную тёплую куртку и грязные шерстяные брюки, тоже чёрные. Из расстёгнутой куртки вылезала заляпанная чёрная рубашка, а ширинка на брюках не была застегнута. Бледное осунувшееся и небритое лицо выглядело серым, как будто грязным. Давно не стриженные взъерошенные седые волосы подчёркивали его нелюбимый образ. Он был совсем как бомж, непонятно откуда взявшийся на нашей маленькой уютной улочке.

Стоя возле гаражных ворот соседей, он что-то громко говорил, почти кричал, непонятно кому – перед ним были закрытые гаражные ворота. Этот крик и привлёк Рэя, не понравился ему. На его крики из дома никто не вышел, а другие соседи отошли подальше, испугавшись его отвратительного вида.

Я вышел из ворот и пошел узнать, что ему надо. Осторожничая, я не подошёл к нему близко, а спросил издали, что он хочет. Он обрадовался тому, что хоть кто-то с ним заговорил, сказал, что заблудился, хочет найти остановку автобуса. Я махнул ему рукой издали в направлении остановки, повернулся и зашёл обратно к себе во двор.

Из-за забора, как и все остальные соседи, я наблюдал, что будет дальше. Бомж (таким он казался) повернулся и зашагал в направлении автобусной остановки. Но шёл он как-то странно: выгнув спину назад и осторожно шаря перед собой одной ногой. Через пару метров он упал, попав ногой в водосточную канавку. Я понял, что с ним что-то не так, не дойти ему до остановки.

Я снова вышел на улицу и подошёл к нему уже немного поближе. Его лицо производило такое впечатление, что он плохо видит. Я спросил его, что случилось. Он уже встал самостоятельно и стоял, слегка покачиваясь. Он сказал мне, что у него голова сильно кружится, потому что он по неосторожности выпил немного пива с другом, а было жарко. Его слова сильно расходились с его внешним видом – можно было подумать, что не пива он выпил по неосторожности, а надрался, как следует. Я наклонился к нему почти вплотную и принюхался. Нет, от него не пахло даже пивом – незнакомец говорил правду. Тем не менее, его бледный вид и выгнутая назад спина говорили о том, что что-то здесь не так.

Я взял его под руку и повёл по улице в направлении автобусной остановки мимо испуганных мамаш, прятавших своих детей за спины. Незнакомец сразу повеселел, зашагал за мной, волоча ноги по асфальту. Я всмотрелся в его лицо с близкого расстояния и увидел, что его правый глаз ровного серого цвета, без зрачка, а левый наоборот, почти весь представляет собой один сплошной чёрный зрачок.

Я спросил его, что у него с глазом. Он нисколько не смутился и ответил, что один глаз у него совсем слепой, а второй видит практически только солнце на небе. Теперь мне окончательно стало ясно, почему он так шёл и падал, почему был так странно одет. Он добавил ещё, что «ему в спину что-то вступило». Тем не менее, опираясь на мою руку, он весело шагал рядом со мной.

До остановки было идти всего метров 300. Но за этот короткий путь он рассказал мне, что его зовут Лев Палыч, что он сейчас на пенсии, а когда-то ходил в море. И ещё за это время он рассказал, что однажды спас свой траулер вместе с уловом в сильный шторм, когда вся остальная команда была не в состоянии что-либо сделать – мутило так, что никто, кроме него, не мог ходить.

Приведя его на остановку, я ещё раз убедился, что он был почти совсем слепой – не видел, куда можно сесть, откуда появится автобус. Я подождал, пока приедет нужный ему автобус, подвёл его к двери и помог залезть на высокую ступеньку. Кондуктор немного поворчала на него за медлительность, но я успокоил молодую женщину, сказав, что он инвалид. Сама она этого тоже не заметила. Я попросил её довезти Льва Палыча туда, где он скажет остановиться. А ему сказал, чтобы он не молчал, а заранее сообщил кондуктору свою остановку, так как он совсем не мог видеть, где едет автобус.

Автобус уехал через минуту. Я проводил его взглядом, чтобы убедиться, что Лев Палыч доедет в конце концов до своего дома. Не знаю, есть ли у него родственники или он живёт совсем один, но он был полный инвалид, а я не услышал от него ни одной жалобы на жизнь. Наоборот, пока мы с ним шли до остановки, он был весёлый и разумный, подбадривал меня, – «Не дрейфь, Андрюха, всё будет хорошо».

Как он попал на нашу улицу, за 10 км от своего дома, тоже непонятно – видимо решил прогуляться. Я подумал о том, как разительно он отличается от инвалидов, настоящих или мнимых, которые просят милостыню, выставляя напоказ свои увечья, на которых так отвратительно смотреть.

Я думаю, что ни один из них никогда не выходит на улицу просто прогуляться.

Пифагоровы штаны

Пифагоровы штаны на все стороны равны.
Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.
Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку.

Наверное, каждый может продолжить этот ряд. В нашей стране все учились в школе, и слышали эти поговорки от самих учителей. Они переходят из поколения в поколение, и школьники принимают их, потому что они помогают запомнить какие-то частички того, чему нас учат в школе. Но есть что-то ещё, чему нас в школе не учили.

«Пифагоровы штаны на все стороны равны», – эта поговорка вертелась в голове у Алёши, когда он сел за уроки. К десятому классу он уже выработал у себя привычку делать уроки, в основном, чтобы не было проблем с учителями и родителями. Ему самому эти задания казались совершенно ни к чему. Но суровая действительность заставляла подчиняться.

Учась ещё где-то в первом классе, Алёша порой страдал от этих жёстких требований. Приходилось делать всё: «терять» тетрадки с двойками; скоблить бритвенным лезвием ужасные цифры в дневнике; сидеть, тихо пригнув голову в тот момент, когда учитель спрашивает о домашнем задании. Но за девять с небольшим лет такой несправедливой жизни он сумел приспособиться.

Днём он занимался тем, что ему нравилось. Гонял с ребятами во дворе летом мяч, а зимой – шайбу. Ходил в любимую изостудию точить на станке красивые детали для сувениров. Читал детективы и фантастику. В плохую погоду играл с друзьями в шашки, карты и шахматы. Интересных занятий было много, гораздо больше, чем уроков.

Для того, чтобы избежать неприятностей, связанных с не сделанными уроками, он выработал у себя привычку вставать рано утром, часов в 6—7, и делать уроки перед школой. Этот способ, по мнению Алёши, обладал целым рядом преимуществ. Во-первых, родители вставали рано утром и всё равно шумели на кухне посудой и разговаривали, не давая поспать. Во-вторых, с раннего утра голова была ещё ясной, и соображал он быстрее, чем днём или даже на уроках в школе. И в-третьих, сразу после того, как он заканчивал делать уроки, он завтракал и шёл в школу, всё ещё помня, о чём говорилось в заданиях. Таким образом, он мог легко включаться в работу на уроках, в отличие от остальных ребят, которые мучили свои уроки вечером. И это уже не говоря о том, что весь день был у него свободен, и он мог использовать это время по своему усмотрению.

Вот и в этот день Алёша под аккомпанемент звяканья посуды и родительских утренних разговоров включил настольную лампу и сел за письменный стол в детской, чтобы заняться геометрией. Геометрию он любил, в отличие от остальных школьных предметов. Особенно он ненавидел алгебру и химию. А геометрия, преимущественно задачи, вызывала у него особенное состояние алёртности. Хотелось на самом деле узнать то, что задавали в задачке, найти способ, решение. Почему, Алёша не мог бы объяснить даже самому себе.

На этот раз задачка по геометрии предлагала вычислить какую-то сторону в сложном многоугольнике. «Интересно, в чём здесь изюминка?», – подумал Алёша. Современный школьник подумает о фишке, приколе или иных современных терминах. Но дело было в середине 70-х прошлого века – тогда словарный запас был иной. Многоугольник был сложный, поэтому пришлось его разбить на несколько треугольников. Теперь можно было с задачей справиться.

«Пифагоровы штаны на все стороны равны», – напевая про себя эту незатейливую строчку, Алёша последовательно вычислял разные стороны многоугольника, пока не дошёл до искомой стороны. Всем известную теорему Пифагора пришлось применить три раза подряд, чтобы получить то, что требовалось в задаче. Ответ сходил с цифрой, указанной в конце

учебника. Остальные задания состояли только в том, что нужно было что-то прочитать. Их он сделал так быстро, что осталось ещё время на захватывающий детектив, который он начал читать вчера вечером.

Урок геометрии традиционно начался с проверки домашнего задания. Учительница, довольно молодая женщина, надев строгую маску на лицо, попросила поднять руку тех, кто выполнил домашнее задание. Эту традицию она поддерживала всегда для ускорения процесса. Она, также традиционно, обвела взглядом класс. В первую очередь смотрела на парты, за которыми сидели отличники. В каждом классе есть такие отличники, которые лидируют в выполнении домашнего задания, начиная с первого класса. Как уже говорилось выше, Алёша к таким не относился.

Т

ем более, ему пришлось перейти в другую школу, так как ту, в которой он начинал учиться, закрыли. В этом классе он учился всего второй год, и не заслужил репутацию первого ученика. В классе закрепили за собой позиции лидеров двое. Среди девочек особенно дисциплинированная Лариса, сидевшая в самом центре класса, откуда было наиболее удобно видеть учителя и всё, что написано на доске. Среди мальчиков первенство держал Вадим. Он, напротив, занял позицию на задней парте в самом углу класса, чтобы иметь возможность заняться чем-то интересным в высвободившееся на уроке время, пока остальные тормозили над заданиями.

Алёша же сидел сбоку, почти около двери, откуда смотреть на доску было крайне неудобно, потому что она бликовала от окон. Единственным преимуществом его позиции была близость к двери, и он первым выскакивал в коридор на переменах. Рядом с ним за партой, впереди и сзади, сидели ребята, такие же как и он, переведённые из его закрытой школы. Они заняли места, оставшиеся свободными из-за того, что все остальные держали оборону в своём классе уже не первый год.

Алёша специально уткнулся в тетрадку, не поднимая глаз на учителя. Поднятую руку он поставил на локоть, опёршись им на парту. Он сидел и ждал, пока пройдёт этот неприятный момент, и учительница будет продолжать урок. Но пауза затянулась неприлично надолго. Учительница, начавшая обзор поднятых рук с отличников, не сразу увидела поднятую руку Алёши, так как его почти не было видно из-за его соседа по парте, Вити, в свои 16 лет выросшего уже до 180 см и 85 кг.

Наконец, учительница произнесла, – «Алёша, к доске. Покажи-ка нам, что ты там нарисовал». В её голосе явно чувствовалась какая-то издевка. Он был единственным Алёшей в классе, поэтому сразу же понял, что сказанное относится именно к нему. Алёша не особенно любил красоваться перед классом у доски. Он не видел никакого смысла приобретать какую бы то ни было популярность у одноклассников, потому что этот год был последним в школе.

Пытаясь понять, чем он заслужил такую немилость учительницы, он поднял голову и обвёл взглядом класс. К своему немалому удивлению он увидел, что его рука была единственной поднятой в классе. Лариса виновато смотрела на учительницу, слегка разводя руками, как бы говоря, – «На этот раз ничего не смогла понять, вы уж извините».

А Вадим смотрел слегка презрительно, выражая взглядом своё мнение относительно бесполезности подобных задач. Он был комсоргом класса, и в его интересы не входили такие технические дисциплины, как геометрия.

То есть, это был единственный за всё время учёбы провал отличников. Предчувствуя неладное, Алёша нехотя вылез из-за парты, взял с собой тетрадку и поплёлся к доске. Позора уже было не избежать. Весь класс был готов наблюдать это шоу, где выскочку поставят на место.

Алёша тянул время, насколько это было возможно, но отступать было уже нельзя. Поднятая им не вовремя рука сделала свое чёрное дело. Он начертил мелом на тёмно-коричневой

классной доске сложный многоугольник, разбил его на несколько треугольников и написал три строчки решения, в каждой из которых использовались те самые «Пифагоровы штаны».

Учительница, слегка презрительно скривив губы, следила за его неловкими движениями, как и весь остальной класс. Повернувшись лицом к классу после завершения работы, Алёша увидел какой-то интерес и даже небольшое сочувствие только в глазах у отличницы Ларисы. По её взгляду Алёше было видно, что она оценила его находку – то, до чего не смогла додуматься сама. Но такое выражение лица было только у Ларисы. Остальные лица выражали удовольствие, что на этот раз пронесло!

Учительница, наблюдавшая за Алёшей из центра класса, стоя рядом с Ларисиной партой, медленно подошла к своему столу и взяла учебник, сверяя полученную в итоге цифру с той, которую Алёша написал на доске. Она ещё раз пробежалась по строчкам решения, проверяя наличие ошибок в математических вычислениях, и вынесла свой вердикт с царственным выражением на лице, – «Ну что же, решение верное, но... некрасивое». «Некрасивое», – это и был тот последний гвоздь, который она забила в крышку гроба.

Мёртвая тишина длилась недолго, всего несколько секунд. Но и этого Алёше было достаточно. Он, и так ожидавший подвоха, сгорбился и втянул голову в плечи, бросив виноватый взгляд на Ларису. Не ожидая дальнейших распоряжений, он быстро стёр мокрой тряпкой меловые росчерки на доске и юркнул на свое спасительное место за боковой партой, спрятавшись за широкую спину Вити.

Классные отличники были спасены, их репутация была восстановлена. Некрасивое решение задачи негласно можно было вполне признать недействительным. Ведь всем известно, что красота – это то, что спасёт мир. А что-то некрасивое мы можем смело выбросить в помойку, не беспокоясь за последствия.

Прошло ровно двадцать лет с тех пор. Алёша вытянул школу на четвёрки, с трудом преодолев ненавистную химию. Затем поступил в архитектурный и получил диплом. После службы в армии он с помощью родственников устроился на работу в архитектурное управление областного города в Центральной России. Его приход был как нельзя кстати, потому что тогда как раз настало время популярности городских пешеходных зон, и все городские архитекторы мечтали повторить знаменитый Старый Арбат у себя в городе.

В ведущем проектном институте Главный архитектор города собрал проектную группу из нескольких молодых архитекторов, для преобразования исторического центра города. Делать это надо было осторожно, потому что город входил в список российских исторических городов, культурную среду которых нельзя было ломать высотками или иными сооружениями из стекла.

В группе было несколько человек, учившихся в разных институтах, где были отделения архитектуры. Были и выпускники ведущего в этой области института – Московского архитектурного. Но Алёша был не из их числа. Теперь он был уже не Алёша, а Алексей Андреевич. Правда, через пару недель знакомства коллеги быстро интуитивно угадывали его пожизненное имя – Алёша.

Первой задачей группы было показать властям города быстро и эффективно, что исторический центр может быть восстановлен, и в этом месте может быть создана очень красивая и современная обстановка, напичканная культурными заведениями. Сделать это было решено с помощью большого макета центральной улицы. В те далёкие времена компьютеры появлялись только в США. Это СЕЙЧАС можно сделать все в 3D программе, а тогда этот самый 3D можно было только сделать из картона и бумаги.

Для того, чтобы показать, что это эффективно, решили сделать пару домов-памятников культуры, охраняемых государством, и показать их Главному архитектору города. За дело взялись двое: мощный и грузный Сергей, явный лидер любой группы, в которой бы он ни оказался, и худой бородатый Гена, сын художника и сам художник в большей степени, чем архи-

тектор. Алёше же было поручено рисовать эскизы плиточного покрытия тротуара, освещения и других «малых архитектурных форм».

Алёша за годы учёбы привык делать пять-десять набросков, из которых потом выбирал лучший. Этим он и был занят целый день. Сергей и Гена корпели над макетом дома постройки 19 века. Вечером в комнате запахло спиртным. Алёша не любил алкоголь и всегда пытался избежать участия в выпивке. Однако на этот раз этого делать не пришлось. Сергей и Гена уговорили бутылку «Пшеничной» самостоятельно.

Алёша поинтересовался, по какому поводу праздник. Сергей, в молодости походивший на Дэвида Гилмора из Pink Floyd, отчего имевший бешеную популярность среди однокурсников, мрачно ответил, – «Лучше займись своими скамейками». Алёше было непонятно такое отношение – наверняка случилось что-то неприятное. Но он не стал раздувать неприятности, делая скидку на то, что они знакомы с Сергеем недавно, поэтому могут возникать какие-то неожиданные моменты в отношениях.

На следующий день ситуация снова повторилась. Теперь уже не дожидаясь раздора, Алёша спросил у более покладистого Гены (тем более, что они работали вместе и раньше), – «Что это вы разухарились сегодня?» Гена, из-за своей густой бороды и усов похожий на лешего, промышчал невразумительно, – часть очередной «Пшеничной» уже грела его изнутри – «Что-то замаялись мы с этой крышей. Второй день подряд не можем точно подогнать крышу к стенам, постоянно получается то дыра, то криво».

«Конечно, в 19 веке строили дома со скатными кровлями довольно необычной формы. Но что же здесь может быть сложного для выпускника архитектурного, освоившего в полной мере „Начертательную геометрию“ еще на первом курсе?», – так думал про себя Алёша, держа в руках макет с кривой крышей, которая никак не хотела садиться на стены.

Он попылся неосторожно пошутить, – «У вас что было по „Начертательной геометрии“ на первом курсе?» И тут же пожалел о сказанном. Грузный Сергей, расстроенный неудачей, сидевший в окружении нескольких кривых и дырявых крыш из картона, сверкнул глазами из-под низких густых бровей и мрачно ответил, – «А ТЫ что имел по этой самой Начертатебе геометрии?» Алёша не ожидал такого поворота, но отступать было поздно.

На первом курсе он едва избежал отчисления из-за того, что слишком затянул с заданиями по этой самой «Начертатебе геометрии», но в конце концов всё прошло более-менее удачно. «Ну, допустим, четыре-то имел», – стараясь как-то смягчить неудобную ситуацию, ответил он Сергею. И добавил, надеясь на лучшее, – «Давайте я вам построю развёртку этой крыши. Ведь если макет этого дома будет убедительным, придётся сделать более тридцати домов. Вам ещё пригодится этот навык – строить развёртки любых самых сложных геометрических форм».

Но результат его предложения был прямо противоположным. Сергей ещё более помрачнел, посчитав, видимо, что его московское образование подвергают сомнению. Он угрожающе произнёс, – «Ну, ты, умник, давай, покажи нам, что ты умеешь. Только учти, если крыша не сойдётся со стенами, фейс-то мы тебе начистим умело!» По его лицу было явно заметно, что это не шутка. «Пшеничная» изнутри придавала убедительную серьёзность его словам. Опыт по начищению фейсов он, скорее всего, тоже уже имел. А неожиданный тупик, вызванный неудачей, отключил какую-то бы ни было разумность.

Алёша молча взял карандаш, циркуль и лист мелованного картона. Через пять минут развёртка была начерчена, а ещё через пять минут Алёша вырезал её самодельным макетным ножом, сделал необходимые надрезы, и ловко свернул в многогранную сложную крышу. Он склеил всего лишь в одном месте грани крыши, и она точно встала на место, завершив колоритный облик исторического дома. Теперь стало ясно, что макет способен произвести необходимое впечатление на городское начальство.

Сергей с Геной молча наблюдали за его действиями. Когда крыша прочно и аккуратно улеглась на место, и Алёша поставил дом на своё место на нарисованной на большом листе улице, они немного отмякли. Они, конечно, и сами не хотели никакой драки или просто каких-либо напрягов, но и чувствовать себя опозоренными было не особенно приятно.

«Ну, ладно, Алёша, мир!», – уже спокойнее сказал Гена. И тут же предложил, – «А ты можешь построить развертку купола нашего Кафедрального Собора? Он ведь криволинейный в нескольких плоскостях!» Алёша молча взял новый лист картона, циркуль и карандаш. Через пятнадцать минут он сложил из вырезанных им картонных ламелей луковичный церковный купол, столь характерный для церквей Центральной России. Он не стал объяснять коллегам, что ещё в школе собирал макет действующей подводной лодки и делал в изостудии из дерева сувениры более сложной формы, чем луковичный купол церкви.

«Пифагоровы штаны на все стороны равны», – напевал он про себя школьную поговорку на простенький мотив, показывая всё ещё мрачному Сергею, как пользоваться циркулем, чтобы построить развертку любой объёмной геометрической формы наиболее экономным способом.

Жора и сорока

В середине мая меня призвали. Призвал на помощь один мой знакомый. Ему очень нравится, когда его называют Жора. Как его зовут на самом деле, на данный момент существенного значения не имеет. Он решил начать строительный сезон в крошечном уральском городке, где он оформил для себя и своего сына совершенно непригодный для проживания участок земли.

В прежние времена это был просто пригорок на краю леса за последними домами посёлка, теснящимися на берегу огромного уральского производственного пруда. Такие пруды в петровско-демидовские времена сооружались на Урале повсюду и служили источником энергии для железоделательных заводов. Водная гладь этого пруда прихотливо изгибается среди отрогов главного Уральского хребта, живописно простирающегося на многие голубо-зелёные километры. Покрытые густым хвойным лесом пологие вершины перемежаются небольшими ущельями, и с высоты этого пригорка кажется, будто хребет живой и дышит, то поднимая, то опуская свою тёмно-зелёную брюшину.

Пригорок этот полон старых замшелых камней, а прямо посередине его слегка возвышается скальный выступ – выход коренной горной породы столь близкого хребта. В былые времена здесь пасли коз и коров, да дети бегали по кочкам и ямкам, играя в пятнашки. Таких косогоров полным полно на склонах невысоких Уральских гор. Они никогда раньше не застраивались – уж больно сложен рельеф, да и земля каменистая – ничего полезного не вырастишь.

Сейчас времена изменились. Строиться на косогоре стало престижно. С высоты всегда видна гладь пруда и пологие зелёные вершины, над которыми по вечерам висит неяркое солнце. Вокруг участка Жоры соседи уже построили себе дома. Кто из бруса, кто из твин-блока. Только огромный бугристый косогор Жоры остался пустым. Лишь редкий забор, да два обшарпанных строительных вагончика украшают неровный, ниспадающий к берегу пруда, рельеф.

Правда, чуть справа красуется старая ветвистая берёза, которую Жора не собираются спиливать ни за какие коврижки. Под ней он часто сживал раньше на скамеечке, которую сам и сделал, со своей любимой женой. Сейчас под берёзой стоит большой стол, ножками которому служат тяжелые бетонные строительные блоки. Жена у Жоры скоропостижно умерла прошлой осенью, и теперь это место уже не влечёт его так, как раньше.

Чтобы местные власти не отобрали землю, Жора с сыном заказали два сруба для бань – каждый на своём участке. Один чуть больше, второй чуть меньше. И теперь Жора призвал меня помочь настелить пол в новеньком срубе, на котором уже красовалась металлическая крыша, а торцевую стену, обращённую на пруд, почти полностью занимало большое пластиковое окно на три створки.

Выйдя на Жорин косогор, я почувствовал себя вновь десятилетним, когда мы бегали с местными мальчишками на подобном косогоре за последними домами в другом крошечном уральском городке, где мы со старшим братом проводили лето у дедушки с бабушкой. Под ногами цвела дикая клубника и разное мелкое уральское разнотравье, высывали из молодой травы свои хвостики побеги маленьких берёзок и можжевельника. Словом, всё было как будто сорок пять лет назад, только теперь это была не свободная окраина, а частная территория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.